

КРОКОДИЛ

к 556

15

№ 12
СПЕЦИАЛЬНЫЙ
КОМСО-
МОЛЬСКИЙ
АПРЕЛЬ 1936
МОСКВА

незд
омола

Рис. Л. Бродаты

ЗАВИДНОЕ НЕПОСТОЯНСТВО

— Уж очень непостоянная у нас пошла молодежь — сегодня ставит рекорды, а завтра их бьет.

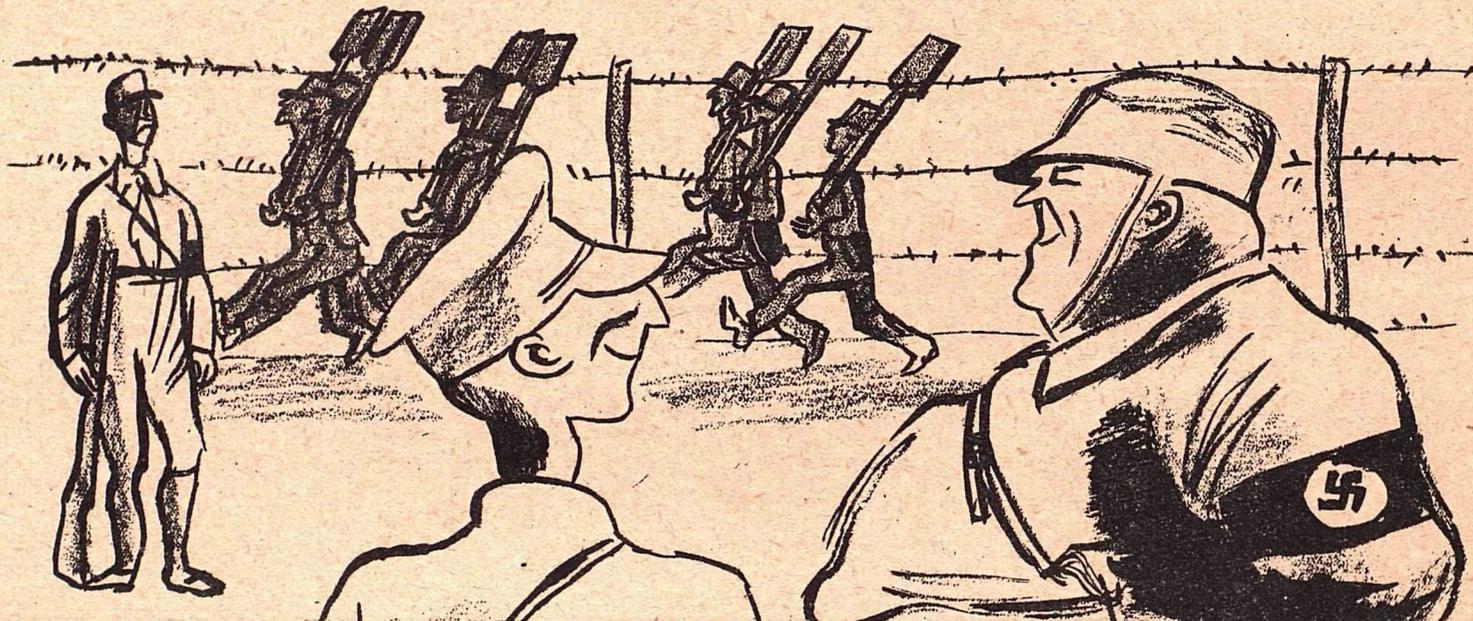
КОММЕНТАРИИ ШТРИХОМ

Обычно после деловой и хорошей речи выступают очередные ораторы и скромно заявляют: присоединяюсь к предыдущему оратору. Мы выслушали на X съезде комсомола прекрасную речь тов. Косарева, присоединяемся к ней и в порядке делового сотворчества комментируем штрихом отдельные места из нее.

Гитлер запретил работу молодежи на предприятиях, обязав ее определенный срок отбывать в лагерях трудовой повинности — этих своеобразных казематах, где фашизм крадет у нас оилы и молодость.

(Из доклада А. Косарева)

Рис. Л. Бродаты

— А еще говорят, что мы не бережем нашей молодежи...

У нас все активисты норовят учить молодежь, но мало кто желает учиться у молодежи. Вот это нежелание учиться у молодежи есть зазнайство и ничливость: они абсолютно не терпимы.

(Из доклада А. Косарева)

Некоторые ЦК профсоюзов развивают главным образом тот вид спорта, которым увлекается сам председатель ЦК.

(Из доклада А. Косарева)

Рис. Л. Гонча

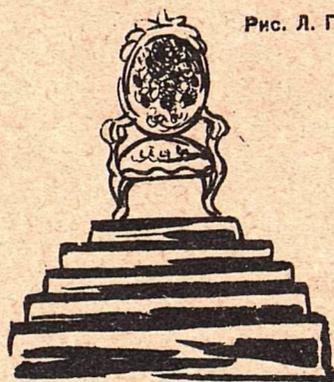
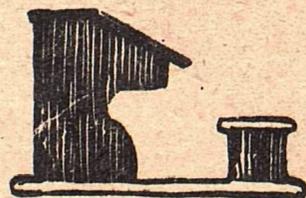
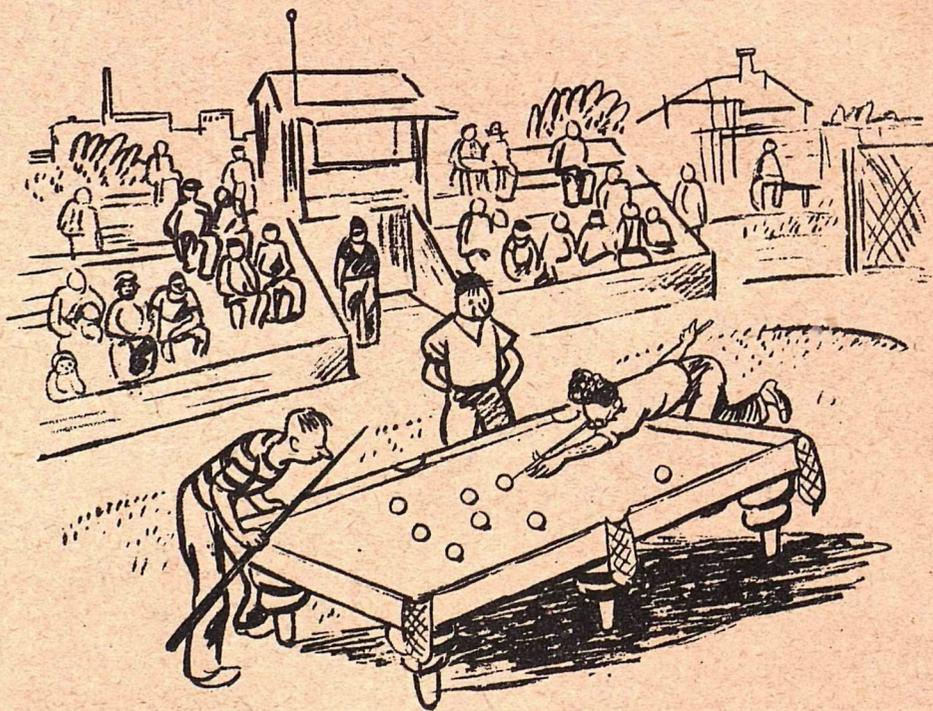

Рис. Л. Гонча

Некоторые зазнайки пользуются такой мебелью...

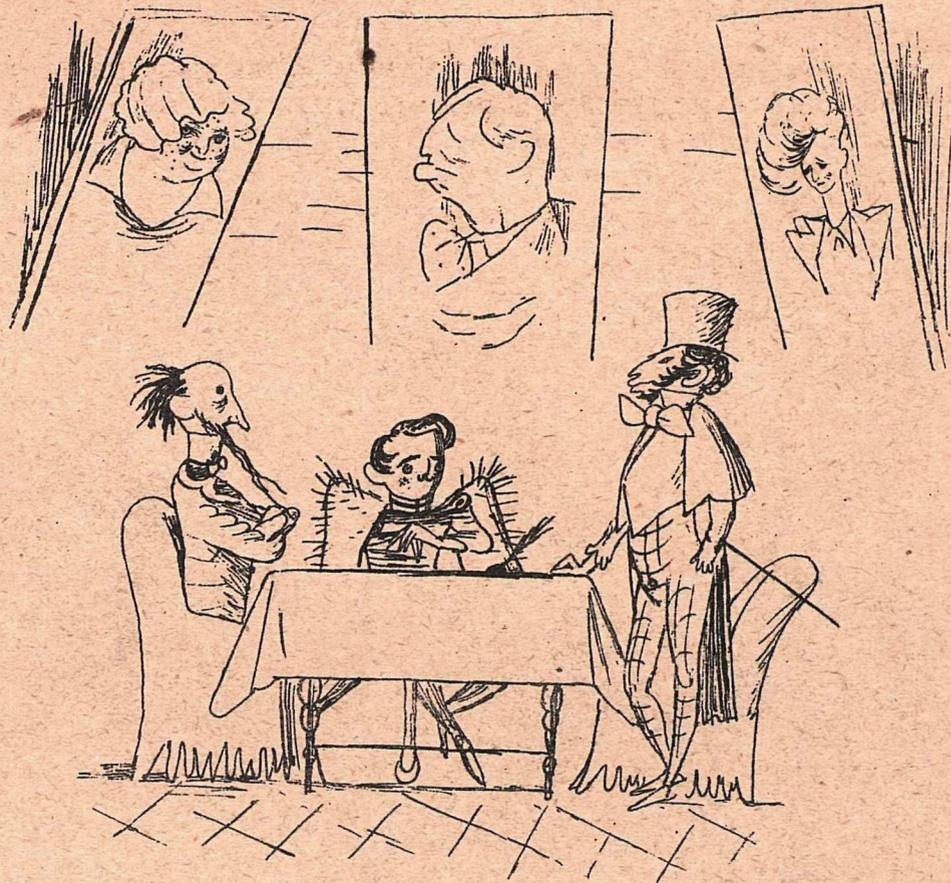
...в то время как им следует пользоваться такой...

Как выглядит стадион, когда председатель ЦК союза — завятый бильярдист.

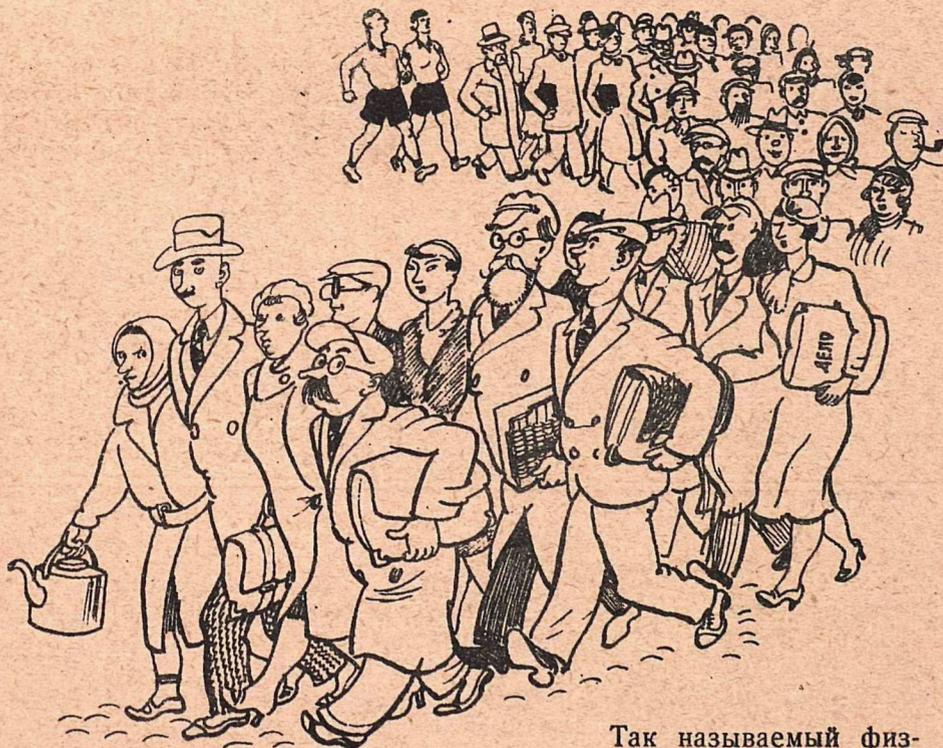

Несколько лет назад Шекспир, Бальзак, Гете, Пушкин, Горький, Роман Роллан и многие другие классики мировой литературы были знакомы только узкому кругу нашего актива. Популярность комсомольских поэтов порой была больше, чем несомненная популярность, слава, их гениальных предшественников и современников.
(Из доклада А. Косарева)

Старые (сверху) и новые (снизу) комсомольские поэты.

Рис. К. Ротова

Так называемый физкультурный парад.

Должен заметить, что некоторые общества, не успев начать работу, создали аппараты, которые по численности больше, чем число членов этих обществ.
(Из доклада А. Косарева)

Существует у нас тип активиста, который произносит речи изобильно, а главное, о чем ему взгрустнется. Природа даровала ему весьма подвижной язык, и он с признательностью пользуется ее дарами.
(Из доклада А. Косарева)

Рис. Ю. Ганфа

О ЧЕРЕДНОЙ ДОКЛАДЧИК

Рис. Ю. Ганфа

— Сейчас лейтенант Кураки, вернувшись после посещения советской территории, сделает доклад о своих впечатлениях.

ЮНОСТЬ ЯМОМОТО

Когда маленькому Ямомото минуло семь лет, папа Шибара вывел его в уютный вишневый садик и сказал:

— Запомни, что в твоих жилах течет самурайская кровь, или я тебе выкручу уши с корнем.

— Пусть течет, лишь бы не вытекла,— примирительно заметила мама Макито, сидевшая неподалеку на циновке, и с нежностью посмотрела на мальчика.

Папа Шибара, расположенный в этот день к тихой семейной беседе, добавил:

— Помни, что позади у тебя благородные предки, впереди — высокий пост, а посередине может случиться характер на почве общегражданских неприятностей. Смотри, не перепутай распорядка. Понял?

— Почти,— послушно пролепетал мальчик и испуганно пересел на колени к матери.

С этого дня началось правильное и строгое воспитание Ямомото.

Прежде всего необходимо было тщательно, наизусть, в прямом и обратном порядке заучить всех богов и предков.

— Опять спугал предков! — педагогически возмущался папа Шибара, растегивая любимому сыну короткие штанишки и приготовляя благородную черешневую лозу. — Ложись! Сколько раз я тебе говорил, что Кудида в 1747 году вешал корейцев, а Мадида в 1839 году топил манчжур. Оба были большие генералы и тонкие психологи, но их нельзя путать и упускать подробности.

— Предков много, а я один,— уныло оправдывался Ямомото, косясь на благородную лозу.

К четырнадцати годам Ямомото знал уже почти всех богов и предков. Кроме этого он отчетливо помнил, какой из самураев был сыном солнца, какой дядей луны и какой племянником млечного пути.

— Не мучай мальчика,— иногда вступалась мама Макито,— дай ему возможность повеселиться.

— Хорошо,— соглашался папа Шибара,— пусть оденется теплее, возьмет с собой что-нибудь сладкого и идет на улицу Шимунари. Там сегодня полиция бьет студентов. Молодому человеку, действительно, надо развлечься.

— А какой он у нас красивый,— томно вздыхала мама Ямомото,— какие у него красивые глаза.

— Двух глаз для молодого самурая даже много. Важен один правый. Левым не прицеливаются.

— Он будет писать стихи.

— Не раньше чем через восемь лет, когда введут моторизованные роты поэтов.

— Скоро надо его будет женить. Мальчик уже кричит во сне.

— Я ему дал список благородных патриотических криков для сна. Кроме этого я рассмотрел ему одну самурайку. Она немного рябая и пьет рисовую водку, но зато какая кровь! Пальчики оближешь от такой крови!

Через три года Ямомото отдали в офицерскую школу. В школе изучали биографии Будды и Геринга, фортификацию, стандартные приемы перехода границы, авиацию и карту Сибири. В школе были только благородные дети благородных родителей, кроме сторожа Куриамы, у которого

был простой папа и простые дети. Неблагородного папу убили во время взятия сопки в 1904 году, а два неблагородных сына совсем недавно утонули в китайской реке во славу чьих-то, еще невыясненных предков.

Вскоре Ямомото кончил школу.

— Одним офицером стало больше,— гордо сказал папа Шибара.

— Боюсь, что у меня вскоре одним сыном станет меньше,— вздохнула мама Макито.

Но так как она была женщина, то есть существо, примазавшееся к жизни, а не человек, на нее никто не обратил внимания.

Дядя Ямомото — старый Цикара, поздравив молодого человека с первым чином, тонко намекнул:

— Ты самурай, Ямомото, и тебе уже пора выбрать какое-нибудь Го и уехать. Я бы и сам с удовольствием лег костями, но мне в последнее время некогда. Я поставлю рис и конские сбруи для нашей доблестной армии. Предки и боги простят мне эту маленькую задержку перед благородной кончиной на поле пограничной брани. Тем более что это дает сто тридцать процентов чистой прибыли. Возьми вот этого бронзового Будду, сто иен на девушек из чайного домика и поезжай. Кстати, если тебя не очень скоро подстрелят и у тебя вырвется свободное время,— присмотри для меня где-нибудь тихое, спокойное местечко.

— Для благородного конца, о дядя? — почтительно спросил Ямомото.

— Нет, для коммерческого начала. Я хочу открыть консервный завод для туземного населения. Умереть я сумею и на родине, но торговать мне бы хотелось где-нибудь подальше.

Ямомото уехал. Вскоре от него пришло письмо на желтоватой, с нежными водяными знаками бумаге.

«Дорогой папа Шибара и дорогая мама Макито!

У нас здесь все благополучно. То мы переходим границу, то нас гонят. Дни провожу философски. Наблюдаю за жизнью. Для этого ложусь на высокую гору и смотрю в бинокль. В свободное от стрельбы время занимаюсь фотографией окрестностей. Очень интересные пейзажи, но все снимки пришлось послать в штаб. Иногда ночью совершаю небольшие прогулки по соседней территории. Иду обычно налегке. Беру с собой только несколько броневиков и не больше двух рот. Туда идем не спеша, обратно возвращаемся быстрее и не все сразу. Некоторых приносят уже потом. Мирное население почти не трогаем и даже хороним бесплатно. Больше писать нечего, так как в письме могут оказаться мысли, а мне по чину они еще не полагаются, чего и вам желаю.

Ваш бывший сын

ныне манчжур Ямомото».

— Мальчик, мой мальчик,— заплакала мама Макито.

— Какой он мальчик! — сердито сказал папа Шибара. — Он уже настоящий взрослый самурай!

Юность Ямомото закончилась.

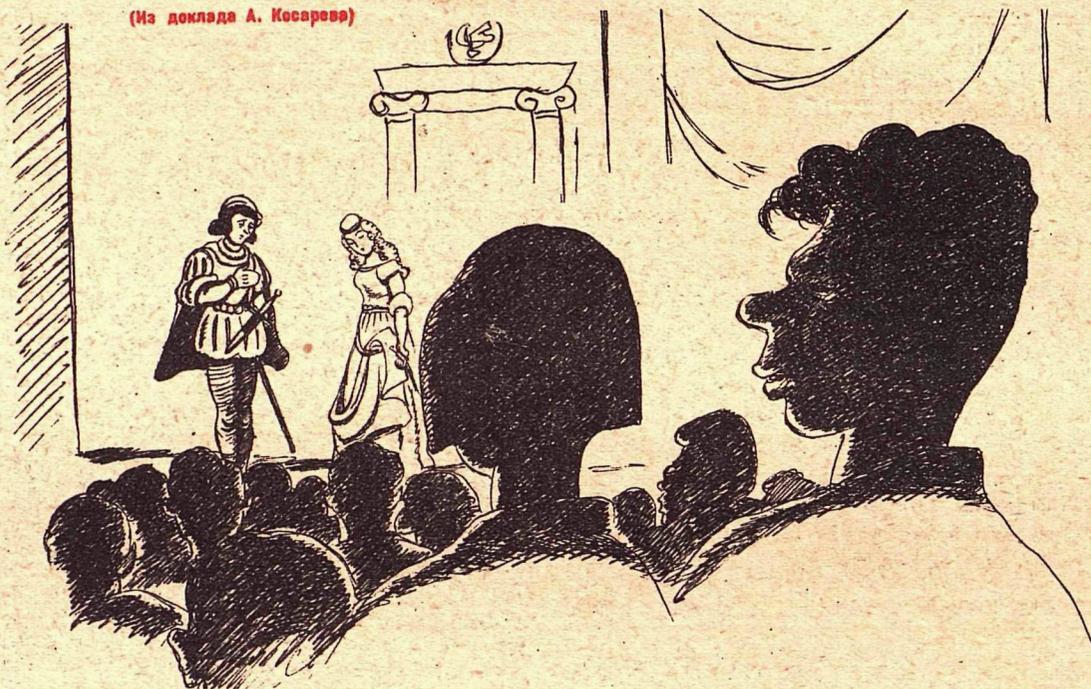
Арн. БУХОВ

...Ни доблесть самурая, ни сила воинствующего бандита в коричневом мундире со свастикой не спасет от печальной участи тех, кто посмеет напасть на нас. Все они будут иметь дело со сталинским поколением молодежи, убежденной в непобедимой правоте великих идей Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, перед силой которых разлетится, как солома, современная выучка империалистических армий...

(Из доклада А. Носарева)

...Некоторые молодые люди, в том числе и комсомольцы, не всегда правильно ведут себя по отношению к девушкам. У некоторых входит и привычку назваться циничными в обращениях с девушкой и говорить ей различные скабрёзности...

(Из доклада А. Косарева)

— Не современная эта пьеска „Ромео и Джульета“... Полчаса парнишка с нею треплется и ничего неприличного не ввернул...

ЧУТКОЕ ОТНОШЕНИЕ

— Следующий вопрос — о Мише Кудеярове, — сказал Никита Паяльников, секретарь райкома комсомола, и строго посмотрел на активную Зину Кушакову, некстати зевнувшую длинным судорожным зевком.

— Докладай, Петя.

Член бюро Петя Шущанин поднялся и стал докладывать.

— Вы, ребята, конечно, знаете, что Миша Кудеяров, кузнец-комсомолец с нашего завода «Красный вулкан», поставил мировой рекорд выковки этих... как они там... полу-бабок, перекрыв технические показатели в пять раз. Наша организация, ребята, гордится славным Мишей Кудеяровым. Но, ребята, райкому стало известно, что в последнее время Миша Кудеяров ходит очень грустный, а бы даже сказал, ребята, совсем невеселый ходит. Верно я говорю, ребята?

— Верно, — горячо сказала активная Зина Кушакова.

— В чем же дело, ребята? — продолжал Петя Шущанин, — где зарыта недопустимая собака мишиной грусти? Отвечаю прямо: недопустимая собака зарыта, ребята, в недостаточном чутком отношении к Мише со стороны наших районных организаций, в том числе безусловно и райкома. Кое-что, конечно, для Миши Кудеярова сделано, но безусловно мало. Давайте, ребята, посмотрим, что уже сделано для Миши Кудеярова и что еще можно и нужно сделать.

Ну-с, по части всяческих премирования. На заводе Мишу премировали четыре раза. У него одних патефонов, ребята, имеется четыре штуки.

— Пять, — сказала Зина Кушакова, — пятый ему из области прислали. Три играют, два в починке.

— Ну-с, значит, патефонами, ребята, Миша обеспечен. Квартирку мы ему тоже обставили. Товарищ Паяльников сам ездил шкафы покупать в область. Еще что, ребята? Еще, помнится, Швейный трест ему халат шелковый подарил.

— Голубой, — восторженно сказала Зина Кушакова, — с поясом, на таких интересных блямбочках, а на них кисти висят, цвета кардинал, — закачаешься!

— Халатами, значит, Миша тоже обеспечен. Еще что?

Ребята, вы мне подсказывайте, я один всего не упомяну.

— Мы ему третьего дня собаку поднесли, — сказал заведующий секцией служебного собаководства районного Осоавиахима тов. Клинков, — первосортную ему овчарку отвалили, — волчья кровь во втором поколении.

— Собаками, следовательно, Миша тоже обеспечен. Еще что, ребята? Возьмем по другой части: мы, ребята, прикрепили к Мише одного академика и одного профессора. Они ходят к Мише на дом и занимаются с ним. Академик западных танцев, всеми нами уважаемый товарищ Голубничий, не далее как вчера докладывал нам, что Миша успешно, по-стахановски овладевает техникой западного танца и уже освоил персональную румбу.

— Три притопа вместо двух, — сказала Зина Кушакова.

— Вот именно три. Дальше. Профессор пения, всеми нами уважаемый товарищ Грузман, тоже докладывал нам, что Миша не менее успешно овладевает и высотами вокального искусства. Не далее как вчера он самостоятельно, почти без посторонней помощи спел почти по нотам романс Чайковского. Так что по части культурного подтягивания Миши Кудеярова тоже кое-что сделано. Но, ребята, именно кое-что. Давайте вместе подумаем, что еще можно сделать для нашего героя.

Собрание стало думать.

— Писателей нанять, пусть напишут роман про Мишу Кудеярова, про его борьбу, — робко предложила Зина Кушакова.

— Хватилась! Уже давно пишут. За счет хозяйственной организации наняты три писателя: два областных, один местный.

— Тогда пускай его художник нарисует.

— Рисовали. Свежее что-нибудь давай, Зинка.

— Свежее? Гм!.. Разве скульптора к нему приставить. Пусть он его вылепит.

— Уже вылепил. Мишина статуя третий день в городском саду стоит. Отстаешь от жизни, Кушакова.

— Не видала! Не сойти мне с этого места, не видала. Если скульптор уже был, тогда, может, этого... как их... ваятеля к Мише приспособить.

— Скульптор и ваятель — одно и то же. Стыдись, товарищ Кушакова!

«Науки юношей питают», — совершенно правильно и с полной ответственностью утверждал Михаил Васильевич Ломоносов.

Мы вполне согласны с предыдущим оратором, но хотели бы, чтобы науки питали не только самих юношей, но и их руководителей. И если уж не все науки сразу, то сначала хотя бы одна русская грамматика. Но, повидимому, последняя держит некоторых руководителей юношества определенно на голодном пайке.

Вот письмо тов. Молоткова, секретаря Погорельского РК ВЛКСМ к зав. пионерским отделом Оргбюро ЦК ВЛКСМ Калининской области.

Помещаем его во всей девственной нетронутости и стилистической пышности, не требующих после себя никаких комментариев, кроме молчаливой грусти и легкого испуга:

Привет тав. Слатинов!

Тав. Слатинов тебе известно что в Погорельском районе нет зав пионер отделом тов. Рыбаков ушел в ряды РККА когда я уезжал тебе говорил ты на световал подобрать в районе из комсомольцев учителей так вот в районе очень много не хватают учителей и взять педагога это значит закрыть школу из актива нет ребят которых можно было бы взять. По этому я тебе прошу вместе тов. Кагановским полбирите тав. и пришли Второе я прошу тебя помоги мне пришли инструктора для проведения семинара с вожаками по специальным вопросам пионер работы Унас платная вожакая Валфаламеява... втирала очки о работи при школе разных крушков которых на самом деле не аказалось.

Прошу тебя ище раз ускорь посылку к нам зав. пионер отделом.

С приветом Молотков.

Активная Зина Кушакова вспыхнула и стала смотреть на потолок, беззвучно шевеля губами.

Неожиданно Никиту Паляльникову осенила блестящая идея.

— Товарищи, — сказал он, — зачем нам потеть, когда все можно сделать гораздо проще. Миша Кудеяров живет поблизости. Попросим Зину Кушакову за ним сбегать, а сами тем временем пойдем дальше. Повесточка у нас, кстати, длинная, часа на три. Придет Миша — мы его по-комсомольски прямо спросим: чего он грустит, чего желает.

Через час Зина Кушакова вернулась в райком вместе с Мишей Кудеяровым, маленьким блондинчиком с добрыми, голубыми, чуть прищуренными глазами. Одна рука у него была перевязана.

— Почтение, — степенно сказал Миша Кудеяров, садясь на край предложенного ему стула.

— Вот что, Миша Кудеяров, — обратился к знаменитому кузнецу секретарь райкома. — Нам стало известно, что ты, брат, чего-то загрустил в последнее время. Скажи нам прямо, по-комсомольски, в чем дело? Может, тебе чего-нибудь не хватает?

Миша Кудеяров испуганно замотал головой.

— Спасибо, товарищ Паляльников, всего хватает.

— Ты говори, не стесняйся! Может, у тебя квартира плохая? Хорошая, говоришь? Жаль, жаль. Ну все равно, мы тут сегодня уже записали — просить Союз архитекторов спроектировать для тебя особнячок. Завтра зайдешь — сделаешь свои указания... Почему у тебя рука перевязана?

Миша Кудеяров застенчиво улыбнулся.

— Собачку мне, спасибо товарищу Клинкову, подарили даже сердитую. Такая, дьявол, шустрая, всех рвет. Вся улица обижается.

— Так, так. Товарищ Клинков, ставлю вам на вид отсутствие чуткости при выборе собак для подарков знатным людям. Предлагаю записать в наше решение: «Просить союз охотников организовать на квартире товарища Кудеярова облаву на упомянутую выше собаку». Записали? Еще что скажешь, Миша?

— Больше ничего, — сказал Миша Кудеяров и глубоко вздохнул.

— Ты, все-таки, что-то от нас скрываешь, Миша. Говори прямо, не стесняйся. Ты чего хрипишь так?

Мы — всегда за веселье. Но в известных пределах и умело распределяемое между его участниками. И против гибрида докладчика с баянистом.

Но, повидимому, не все солидарны с нашей скромной точкой зрения. Вот, например, как по рассказам очевидцев обсуждался проект нового устава комсомольцами наскафтынской неполной средней школы (Куйбышевского края).

Проект устава прорабатывали под руководством секретаря комсомольского комитета Василия Петровича Вдовина, который очень ясно растолковал каждое слово устава.

Собрание провели очень весело, играла музыка (гармонь), комсомольцы после проработки устава остались очень довольными.

Недоставало только, чтобы между отдельными пунктами устава танцевали западные танцы, а при голосовании отбивали ногами дружную четотку. Тоже весело было бы!

ИДЕЙНОЕ СИДЕНИЕ

Каждый может избирать себе литературного героя по собственному вкусу. Но выбор все же надо делать с сугубой осторожностью, и чеховский унтер Пришибеев, например, весьма неподходящий герой для подражания ему.

Комсомольцы Ташкентского медрабфака мыслят несколько иначе и поливают бутоны пришибеевщины водичей собственного недомыслия. Так например по почину секретаря комитета Залиева, решившего раз и навсегда выяснить, все ли комсомольцы благополучны в смысле поведения,

комсомолец Брисман сообщил в комитет, что студентка Надежда С. не пришла домой. Он установил наблюдение и просидел всю ночь до 7 час. утра. Надежда, оказывается, кочевала у подруги.

Переутомляться особенно не следует. Но бывают случаи, когда комсомольцу приходится сидеть до семи утра. Над книгой, например. Но засиживаться до такого позднего времени за слежкой над своим товарищем — не стоит. Ибо в результате этого бывает не только переутомление, а полная потеря мыслительных способностей.

В голубых, добрых глазах знаменитого кузнеца блеснула сдержанная ярость.

— Петь много приходится, товарищ Паляльников. Грузман, профессор, здорово на меня нажимает.

В комнате льстиво засмеялись.

— Ничего, Миша, вот овладеешь высотами вокального искусства, мы твой концертик закатим в Голубом зале Дворца труда. У тебя какой голос?

— Был теноришко кое-какой.

— Что значит был? А сейчас?

Миша Кудеяров снова вздохнул и сказал хриплым шопотом:

— Был да весь вышел. Здорово он на меня нажимает Грузман, профессор, товарищ Паляльников.

— Ничего, ничего, Миша. Он спец по своей части, ему виднее. Все-таки скажи, отчего ты грустишь, чего желаешь.

Миша Кудеяров молчал.

— Говори, Миша, мы все для тебя сделаем.

Знаменитый полубабочник встал и, набравшись храбрости, вдруг сказал залпом:

— Я райком буду об одном просить: пустите меня на завод обратно, товарищи. Сил моих больше нет такое терпеть. Девятый день на работу не хожу, шутка сказать. То писатели приедут, то художники, то этот чорт волосатый прибежит, заставляет глотку драть, то с собакой клинковой воюю, будь она проклята. То по радио какие-то лекции сам не знаю про что читаю. Я же-ж не двуличный. А на заводе дела идут, контора наша без меня пишет, товарищи. Васька Конопатов, — ребята говорили, — уже к моему рекорду подбирается.

Миша Кудеяров вскрикнул, круто повернулся и вышел.

— Теперь мне ясно, что ему нужно, — обрадованно сказал Никита Паляльников, — путевка ему нужна, вот что. В нервный санаторий. Запарился парнишка. Рекорды, они тоже даром не даются. Так значит и запишем: достать для Миши Кудеярова путевку в санаторий на два месяца. Давай следующий вопрос, секретарь.

Члены бюро переглянулись, пожали плечами и... закурили свежие папиросы.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ПЕРЕД ЗАЛОМ ЗАСЕДАНИЙ

У КНИГ

Когда-то в книжный магазин Смирдина приходили знаменитые писатели того времени не только, чтобы купить книгу, но и поболтать с самим Смирдиным о тайнах его торгового искусства.

Солидный книготорговец степенно попивал за конторкой чай в прикуску и рассказывал:

— Опытный приказчик книжку по запаху предлагает. По покупательскому, так сказать, аромату. Ежели, допустим, от покупателя духами веет, — ему, значит, поэзию на прилавок положить надо. А от которого пошлое запах, — ему что-нибудь подешевле и попроще. Да и то смотри, чтобы не повертел носом и не ушел ни с чем.

Если бы сейчас многоопытный Смирдин заведывал книжным киоском (ориентировочно замененным тремя столами) на комсомольском съезде, ему пришлось бы пересмотреть свои навыки.

На запах здесь не продашь.

Вот только что к аппетитно разложенным стойкам книг подошел коренастый украинский хлопец, от которого, как от молодой телеги, пахнет дегтем. Надо прямо сказать, что он не гордится этим запахом. Он не несет его, как знамя. И даже густо краснеет, когда сосед рассеянно сивозь очки смотрит на его высокие сапоги.

Но, овеяв всех запахом дегтя, хлопец вдруг издает радостное восклицание:

— Эге ж!

И жадно хватает пухлый том стихов Эмиля Верхарна.

Нас не умиляет запах дегтя в условиях городского быта апреля 1936 года. Мы, скорее, за то, чтобы молодые люди пахли хорошим одеколоном отечественного производства, но сочетание этого дегтярного запаха, вывезенного из каких-нибудь районных эмтесовских глубин, с тягой к вычурному тонкому бельгийскому поэту —

это чрезвычайно характерно для той молодежи, которая каждую минуту подбегает к книжному киоску.

Горбуновский театральный капельднер говорит:

— Для чего занавес опускается? Для того, чтобы господа зрители в антракте к буфету топали.

Мы не господа, а советские граждане, но надо сказать прямо, что во время перерывов различных съездов и конференций мы любим «топать» к буфету. Какая-то внутренняя инерция... И все для того, чтобы, откусив первый кусок бутерброда, вдруг вспомнить, что есть не хочется, а хочется покурить или побродить по коридору.

Здесь, на комсомольском съезде, молодежь буйно «топает» не в буфет, а к книжному киоску, для того чтобы не пропустить однотомника Пушкина, веселой саранчой расхватать «Как закалялась сталь» Островского или, зыудив из невероятно длинного бокового кармана смятую десятку, прихватить на всякий случай пресловутого Хемингуэя.

Это не книжный киоск, а показательный пункт роста культурных аппетитов молодежи. Эта бойкая, веселая толкотня у книг, нетерпеливое заглядывание через плечо соседа в развернутые страницы, эти торопливые займы на ходу, чтобы не пропустить новинку, — все это такой богатейший материал, который говорит о настроении молодежи еще до того момента, пока вы ее увидите в зале заседания.

Говоря стилем чеховского дяко-

на: в поисках однотомника Гоголя нам отдавили ноги. Но отдавил их юноша с такими замечательными веснушками и таким загорелым лицом, которые привозятся в столицу исключительно для зависти к солнцу и травмам отдаленных национальных республик. Мы уже хотели рассердиться, но наш обидчик звонко похлопал по грудке книжек, зажатых подмышкой, и миролюбиво сказал:

— Обязуюсь прочесть к двадцатилетию.

— Октября? — ехидно спросили мы.

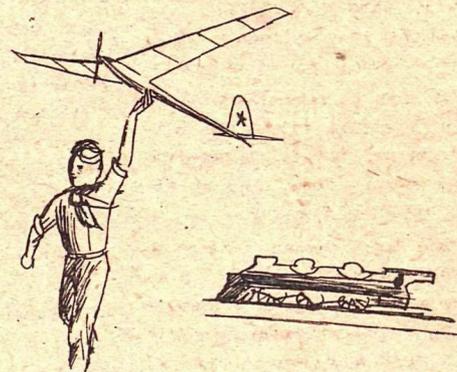
— К своему двадцатилетию, — строго заметил веснушковладелец.

— А когда оно у вас будет?

— В следующий выходной.

И юноша тут же попутно наступил кому-то слева на ботинок. Пусть тот и обижается. А мы не можем сердиться на него. Тем более, что он нас, наверняка, не обманет. Такой действительно все прочтет, все узнает и все запомнит.

ПОДАРКИ

Раньше писать о детских подарках было проще простого. Писатель брал ручку и, вдохновенно глядя на потолок, шарил прямо набело:

«Коля Бубенчиков проснулся в отличном настроении. Был первый день рождества. В одной рубашке Коля побежал в гостиную, где стояла большая елка, а на столе лежали подарки. Чего-чего здесь только не было: плюшевые медведи, зайцы с барабанами, драгунская каска из золотой бумаги и — предмет давнишних страстных колиных мечтаний — игрушечное ружье, стреляющее пробками».

Попробуйте с такой же легкостью написать о детских подарках сейчас:

«Коля Бубенчиков проснулся в отличном настроении. Быстро одевшись, он побежал в школу —

на сегодня была назначена отправка пионерских подарков на X съезд комсомола. Все ребята были уже в сборе. На большом столе лежали подарки, изготовленные самими школьниками. Чего-чего здесь только не было: ультракоротковолновые передатчики (гм... собственно, что такое ультракороткие волны? Не заб. посм. техн. энцикл.), самодельные электролы (ей-богу, не помню, на чем основан принцип электролы. Справ. в техн. консульт. у Ив. Ив.), модели локомотивов и множество летающих планеров (никогда в жизни не сделал бы подобного!)...»

Еще большее затруднение испытываешь, осматривая всю выставку детских подарков на X съезде комсомола, затруднения и... восторг.

— Позвольте, это что же та-

кое? Это же настоящий паровоз «ИС»?

— Не совсем, конечно, настоящий, но точная модель в одну десятую натуральной величины. Три тысячи деталей. Делали Коля Любанов, Юра Мельников и другие ребята из Лефортовского студенческого городка.

— Они что же, студенты-техники с железнодорожным уклоном, эти самые Коля Любанов и Юра Мельников?

— Зачем студенты! Это их папы — студенты парттысячники. А сами они школьники.

— А это что такое? Неужели мотоцикл? Но ведь он весь, целиком, умещается на трехкопеечной монете! Кто его сделал? Где живет этот новый Левша двадцатого века?

— Сделал его пионер Скибинский. Живет он в Ленинграде. Только он никакой не Левша и к писателю Лескову отношения не имеет. Он просто талантливый советский мальчуган, будущий инженер, конструктор-изобретатель.

— Так, так!.. А это еще что за чудо? Город в бутылке. Смотрите, смотрите: вот мельница, вот дома, а там «уже роши, зеленые сени, где птицы щебечут, где скачут олени», а дальше — море и по морю плывут корабли, окрыленные парусами. Какой красивый макет! Автора, автора!

— Извольте. Автор — Рита Аркапова. Девочка. Пионерка.

— Как же это она целый город ухитрилась построить в бутылке?

— Так вот и ухитрилась — в подарок X съезду комсомола. Это уж ее, ритин, секрет. Попробуйте и вы, может, тоже сумеете построить город в бутылке.

...Целый день можно ходить по чудесному Владимирскому залу Кремлевского дворца и Грановитой палате, рассматривая изумительные модели машин и выразительные скульптурные чапаевские группы из глины, пластилина и дерева, сделанные руками мальчиков, тонкие апликация и изящные вышивки, выполненные искусными руками девочек, — ходить и не уставать поражаться трудолюбию и талантливости советской детворы сталинской эпохи. А на утро снова придти сюда и снова найти свежую пищу для почтительного удивления и искреннего восторга.

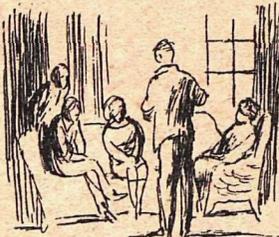
С древних стен Грановитой палаты, выдавшей еще боярские виды, на паровозы, крейсера, «арросани будущего», радиоприемники и чапаевские тачанки ммуро и подозрительно взирают бородатые апостолы и святители. Говорят, один десятилетний пионер, попав в Грановитую палату, поразился обилию стальных спирочков в подрисиках и воскликнул:

— Ой, смотрите, сколько лиленцев!

...Хочется пофантазировать. Вот наступает ночь. Спит старый Кремлевский дворец, спит древняя Грановитая палата. Кряхтя и охая, из фрески вылезает почтенный святитель — старый спец по чудесам и простейшим химико-физическим эффектам — и, придер-

живая сползающий с головы венчик, шлепая деревянными сандалиями, уныло бродит по залу от одной хитрой модели к другой. Бродит, смотрит на чудеса, изготовленные школьниками, и ошалело качает седой волосатой головой. Потом, стыдясь своей малограмотности, конфузливо лезет назад, на стенку.

КАК ЭТО ГОВОРИТСЯ, — В КУЛУАРАХ...

Молодого человека наших дней нельзя оставлять одного в бездействии: он сейчас же отбежит в сторонку и организует.

В кулуарах с'езда, напоминающих своим веселым шумом и радостной пестротой большую перемену в какой-то очень большой школе перед чрезвычайно важным уроком, нет меланхолических одиночек.

Каждый диван, подоконник, угол — экстренный плацдарм для самых бурных и самых неожиданных дискуссий. Спорят и волнуются втроем, впятером, быстро обрастают новыми дискусантами, расходятся, чтобы прирасти к другой спорящей группе, а от нее отбежать к третьей. В кулуарах царит не паспортная юность, а подлинная, разлитая в каждом темпераментном жесте, в разговоре, в лицах.

Откидываем все нормы джентльменства и открыто идем подслушивать.

Вот эти четверо, приютившиеся в углу, унесли с собой из зала заседаний горячую оборонную фразу и бурно спорят о морских силах на Немецком море. Солидные и сдержанные лорды из морского штаба Великобритании были бы чрезвычайно удивлены, если бы услышали, как тоненькая девушка с рыжими кудряшками взволновано обличает их нерадение в защите берегов Ирландии от возможного германского десанта.

Ее оппонент, конфузливый юноша в сером пиджачке, подавлен аргументами собеседницы, но не хочет сдаваться и подыскивает легкий демагогический приемчик, чтобы остаться победителем. Он, слегка замявшись, неожиданно спрашивает:

— А авиоматки?

— Ну чего, авиоматки? Ты это, к чему?

Юноша, неожиданно введший в спор эти грозные пловучие авиобазы, сам немного растерялся, но быстро спохватывается и ядовито спрашивает:

— А что такое авиоматки, знаешь?

— Нет, — так же ехидно отвечает юный стратег с рыжими кудряшками, — не знаю! Дожидалась, пока ты мне объяснишь.

Мы продвигаемся дальше. Здесь все так взволнованы, что причину спора можно понять, только суммируя отдельные возгласы в нечто целое. Оказывается, речь идет о некоем Саше Трухмине. Неведомый для нас Саша Трухмин оказался организатором витиеватого и неожиданного преступления. На одном из уральских заводов он был куроводителем музкружка, но внезапно изменил музыкальному фронту, увлек с собой четырех домристов и двух баянистов и засел за изучение английского языка.

В результате этого безответственного выпада против музыкальной общественности распался на заводе музкружок, но появились шесть человек, знающие английский язык.

— Шесть ребят, говорящих по-английски, — это вещь! — горячится юноша с длинным, как у противогаза, носом.

— А оркестр — собака? — язвительно откликается его собеседник в больших гарольддлойдовских очках. — Значит, завод сидит без оркестра.

В спор вмешиваются остальные земляки. Мы чувствуем, что музыка начинает сдавать и побеждает иностранный язык, и отходим. Тем более, что рядом кто-то напористо и гулко докапывает:

— А что ваши пионервожатые Катерина и Сухатов делают? Третьеклассникам теорию кризис-

сов на мировом рынке вдальблывают! Ребята в горелки хотят играть, а они им — кризис. Да еще мировой!

— А что им о зайцах сказки рассказывать?

— А у тебя только и есть два полюса: на одном — зайцы, а на другом — кризисы. А посредине ничего придумать не можешь? Эх ты, мировой заяц...

А рядом не менее взволнованно шепчутся две подруги, члены одной и той же делегации. Шепчутся с такой неукротимой энергией, что слова можно разобрать на расстоянии не менее пяти метров.

— Как приеду домой, так и накручу хвост Василию. У нас, говорит, лучшая в районе библиотека... Лучшая! Евдокимов в переплете да ранний Алтаузен в двух экземплярах. А Олдингтон у него есть, а Дос-Пассос, а Бредель, а Фейхтвангер? Трепач!

— Отсюда захватить надо.

— Я уж и список составила. На, смотри.

Подруга внимательно смотрит на список и деловито замечает:

— Нельзя писать «Бизобразная гирдогиня», Катя. Учиться надо...

Собеседница смущается и с сердитым задором говорит:

— А все Василий. Ты, говорит, у нас Катя вполне грамотная... Грамотная! Трепач!

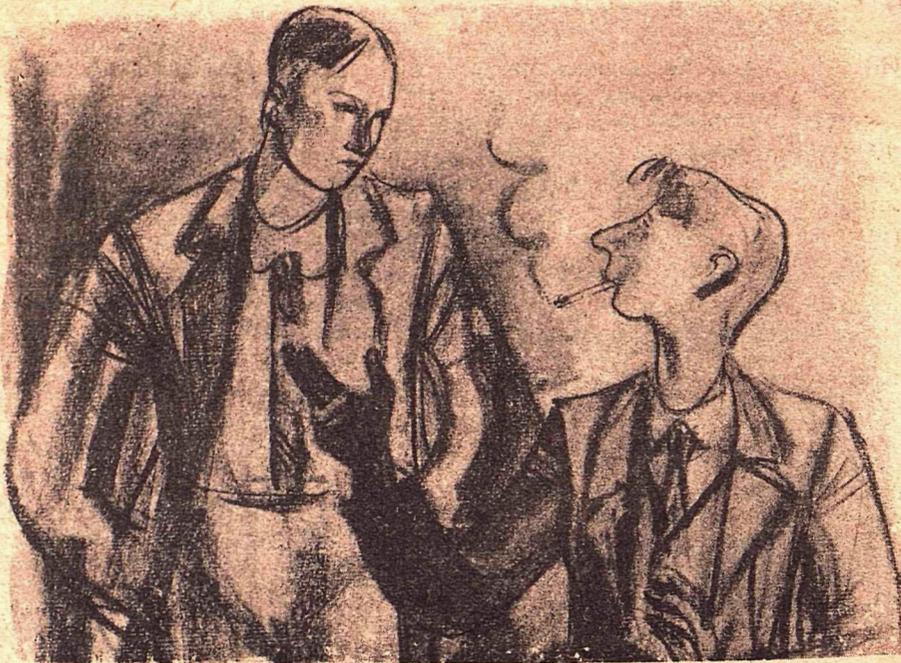
Волной нас вносит в курилку. В облаках серого дыма — те же споры и волнения. Ведь столько накопилось, о чем прямо-таки необходимо договориться, доспорить, кого-то нахому перековать или самому, почесав за ухом, конфузливо согласиться:

— А может, ты и прав...

Ведь для большинства приехавших и пришедших на Десятый съезд комсомола весь съезд действительно огромное событие. И так естественно, что в кулуарах с'езда и в каждом уголке, населенном шумной юностью, столько свежего соснового запаха молодости!

Рис. М. Черемных

— А Петька-то обязался в подарок районной конференции по самообразованию прочесть „Войну и мир“ Толстого...

— Прочел?

— Нет. Помешала об'ективная причина: отменили конференцию.

НУ, И МОЛОДЕЖЬ!

Извините, пожалуйста, что я надоедаю вам своими личными, можно сказать, семейными делами. Не обижайтесь на старика и выслушайте меня со всей чуткостью, присущей вам, мои молодые друзья. Я, знаете ли, люблю беседовать с людьми, чья голова еще не украсилась мудрой лысиной. Но не в этом дело.

Я хочу вам пожаловаться на своих детей. На Борьку и на Клаву. Сам я учитель. Ничего особенного. Вот уже лет тридцать как преподаю в школе арифметику для малышей. Свое дело я знаю. Работа очень спокойная. Пятью пять—двадцать пять. Семью семь—сорок девять. Ловко придумано. Так у нас, так и за границей. При любом правительстве пять минус пять—ноль.

Так мне раньше казалось. Так оно будто бы со стороны выглядит. А на самом деле не так. При советской власти цифры как будто стали какие-то другие. Пять минус пять—ноль? Однако ведь вопрос в том, кому дают пять, а кому минус пять. Но не в этом дело.

Я вам не назову своей фамилии. Не потому, что я ее стыжусь или собираюсь менять. Фамилия у меня всю жизнь была негромкая. По совести, не Бетховен или, скажем, Генрих Гейне. Но с недавних пор фамилия моя стала очень беспокойная. Как только ее назову—сейчас же гром аплодисментов. «Ура!» Прямо деваться некуда. Начинаются крики: «Это—отец Бориса и

Клавдии таких-то». Скажите, пожалуйста, какая важность. Да, новые времена. Когда-то люди вешали в своих квартирах портреты предков. А теперь наши квартиры мы украшаем портретами потомков. Когда-то говорили: «Вы знаете, кто это такой: это сын генерал-губернатора, это племянник банкира». А теперь: «Это знаете кто? Это отец Каманина, это мать Марии Демченко, это бабушка Стаханова». Более того. Когда-то говорили: «Вот идет жена писателя Тургенева, вот едет жена министра финансов». Теперь же слышишь: «Это муж знаменитой ткачихи такой-то». Все перевернулось, честное слово. Поэтому, чтоб не было лишнего шума, я и не называю своей фамилии. Ну ее! Но не в этом дело.

Итак, я хочу вам пожаловаться на своих детей. На Борьку и на Клаву. Начнем с Клавы. У нее есть подруга Марина. Так эта самая Марина не может ни минуты посидеть спокойно на месте. Ей не сидится с нами на земле. Она почти все свое свободное время там... Где-то, возле звезд. На небе. Летает. И прыгает. Подымется чорт знает куда, где не только человек, но и птица никогда не бывала. Потом прыгнет оттуда и, как ни в чем не бывало, идет в кино. Но не в этом дело.

Дочка моя Клава не занималась прыжками. Я ей был за это очень благодарен. У нас в роду никто не летал, не прыгал, жили тихо. Клава работает на заводе, в лаборатории. Она у меня

...В борьбе за образование молодежи начинать нужно с азов, а именно: с ликвидации неграмотности и малограмотности... Иные даже ничатся своей малограмотностью, считая, что пролетарию не обязательно знать грамматику. Человек, который не умеет грамотно писать и читать, не умеет считать, не достоин звания передового молодого человека...

(Из доклада А. Носарева)

химичка. Все было благополучно. Вот только сын Борька волновал меня. Спустился парень, можно сказать, на самое дно. Он, видите ли, водолаз, эпроновец. Не думайте, что я боюсь воды. Но все в меру. Окунусь два—три раза и на берег, вытираюсь полотенцем. И то летом, если очень жарко. А этот Борька целыми днями гуляет по дну морскому. Я ему сколько раз твердил: «Борька, перестань мокнуть в холодной воде. Избери себе более сухую профессию». А он смотрит на меня и смеется. Если бы вы посмотрели, как он хорошо смеется! Вы не знаете, отчего это наши дети теперь так хорошо смеются? А? Но не в этом дело.

Вернемся к Клаве. Раз сижу я дома, пью чай и просматриваю тетради. Вдруг врывается в комнату очень странный молодой человек. Нето мексиканец, нето уругваец. Штаны до колен и в большую клетку. Страшные штаны! Огромная фуражка, но козырек пришит не спереди, а сзади. Какие-то необычайные ботинки. И вдобавок ко всему этот полудиккий незнакомец вооружен с ног до головы. Какие-то ремни, кобуры, сумки. Смотрю на него, разинув рот от изумления. Вдруг этот самый мексиканец говорит мне на чистом русском языке: «Разрешите представиться, кинооператор Альберт Пыжиков. Вы будете отец знатной химички Клавдии такой-то? Разрешите вас заснять». И тут он начинает меня крутить и мучить. То я должен улыбаться—это, значит, я радуюсь успехам дочери. То я должен сделать грустное лицо—это значит печаль по своей собственной загубленной молодости. Но не в этом дело.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

РЕЗУЛЬТАТЫ РОКОВОЙ ВСТРЕЧИ

«Суждены нам случайности встреч», — лирически и томно сказал поэт. И не всякие случайные встречи происходят среди шумного бала. Иногда они имеют место и на районных комсомольских конференциях. Так в Западной Сибири на Рубцовской районной конференции «многие комсомольцы впервые увидели секретаря своего райкома. На большинство вопросов по отчету райкома секретарь тов. Раскин отвечал:

— Не знаю... не знаю... не занимались...»

Чем же закончилось это первое свидание — говоря арифметически — с одним неизвестным? «Большевицкая смена», откуда мы берем эту грустную цитату, сообщает:

«Секретарь райкома переизбран».

Повидимому, все это может происходить лишь в порядке изысканной вежливости. А что же, действительно, делать с незнакомым молодым человеком, как не переизбрать его и тут же расстаться до следующей конференции.

Разве только еще добавить, уходя с конференции:

— Пока, пока!

РАСКРЫТАЯ ИСТОРИЯ

Среди трехсот тринадцати преподавателей истории в школах Азово-Черноморского края 105 комсомольцев.

Об этом рассказал тов. Ерофицкий в своем докладе о работе оргбюро ЦК ВЛКСМ по Азово-Черноморскому краю.

Но он же рассказал и о таких познаниях учащихся по истории в местных школах.

Приходит Клава домой, и тут я узнаю большую новость. Клава сделала какое-то большое научное открытие. Она стала героиней. А я, между прочим, стал отцом героини. В газетах портрет Клавы и биография. Ей шлют поздравления. Ее премируют. Пожалуйста, я не против. По совести сказать, я даже рад. Лишь бы не летала и не прыгала. Но не в этом дело.

Слушайте дальше. Однажды в выходной день забегают ко мне в комнату Маринка и Клава. Тащат меня на аэродром. Там, говорят, будут сегодня интересные прыжки. Пошел. Только с Маринкой я условился, чтобы она при мне не прыгала: все-таки близкая подруга дочери, почти свой человек. А у меня сердце слабое — я не могу смотреть, когда даже с передней площадки трамвая прыгает какой-нибудь знакомый или родственник. Но не в этом дело.

Стою на аэродроме и смотрю, как самолеты поднимаются ввысь. Прекрасное зрелище! Мое стариковское сердце билось от радости за крылатых людей, за летающую молодежь. Обернулся, вижу, Клавы нет подле меня. А Маринка мне говорит: «Она сейчас подойдет. Увидела заводских знакомых и пошла с ними». Но тут уж, видите ли, не до Клавы. Люди начали прыгать с аэропланов. Что тут делается! Вдруг Маринка хватается за руку и кричит не своим голосом: «Бежим!» Хорошо ей говорить — «бежим». Это я должен бежать. Что я ей — братья Знаменские? Она меня тащит за руку, а я еле поспеваю. Но не в этом дело.

Прибегаем на какую-то полянку. Смотрю: кто-то сверху летит. А Маринка

мне объясняет: «Это одна девушка прыгнула с парашютом. Замечательная девушка!» Я не спорю. Пускай будет замечательная. А стою я и думаю только об одном: «Если у этой замечательной попрыгуньи имеется отец, то я ему не завидую». Не успел я это подумать, как эта самая девушка уже на земле и бежит прямо к нам. Я посмотрел на нее, и мне стало холодно. Когда я пришел в себя, я, конечно раскричался: «Кто тебе разрешил шлеться с утра где-то в облаках?» Смеется. Они же умеют хорошо смеяться. А я опять кричу: «Ты же химичка, зачем тебе, Клава, надо еще прыгать?» Отвечает: «Родине нужны и хорошие химики и хорошие парашютисты». Меня агитацией не возьмешь. Я продолжаю сердиться... А все-таки здорово чертовка прыгнула! Но не в этом дело.

А дело в том, что теперь я не имею ни одного спокойного дня. Четырежды четыре — шестнадцать. Шестью шесть — тридцать шесть. Все это, конечно, правильно. Но в голову лезут другие цифры: прыжок с высоты 1000 метров, затыжной с высоты 2500 метров. Голова моя уже не в таблице умножения, а где-то там, в небесных просторах. Клава приходит домой, я ее спрашиваю: «Ты откуда пришла: из лаборатории или с луны?» Теперь, оказывается, — это я узнал из газеты, — она хочет побить какой-то рекорд затыжного прыжка. Вам легко об этом читать в газете. Но я же отец. Я же отвечаю за Клаву. И вот я день и ночь волнуюсь: побьет или не побьет? Но все-таки я верю в свою дочь: она лицом в грязь не ударит. Она побьет рекорд, моя Клава! Но не в этом дело.

— Когда родился Маркс? — спросили у одного ученика в школе совхоза им. Сталина.

— Маркс родился в Трире, Тверской губернии, — твердо ответил ученик.

В одной из таганрогских школ этот же вопрос был задан в несколько измененном порядке:

— Где родился Маркс?

Ответ прозвучал еще более эффектно:

— Маркс родился в 1918 году в г. Тифлисе, в Германии.

Спрашивается: что же делали преподаватели истории — комсомольцы в школах, если на глазах у них Маркс ухитрился родиться в Тверской губернии, а Тифлис — его вторая родина — успел прошмыгнуть в Германию?

ПАПСКИЕ МИЛОСТИ

«Комсомолец Узбекистана» эпически спокойно рассказывает:

«На районных конференциях комсомола Узбекистана широкие размеры приняло преподнесение различных подарков руководящим районным работникам. Вместе того, чтобы критиковать их работу, им преподносили халаты, ковры и другие вещи. В Папе один районный руководящий работник получил 7 халатов, другой — 5».

О штормах на море обычно сообщается:

— Шторм был на 3 балла.

О более чем спокойной атмосфере на таких конференциях правильнее было бы сообщить тем же стилем:

— Самокритике не способствовала благоприятная атмосфера, выразившаяся в пяти халатах, а местами даже в семи.

Приехал наднх мой водолаз Борька. «Что, — спрашиваю, — ты все еще мокнешь в воде?» Смеется. Пусть смеется. Но слушайте, какую штуку сыграли со мной мои дети. Уговорили-таки старика. Уговорили меня, чтоб я поднялся на самолете. Я пошел с Клавой на аэродром. Борька с нами не пошел: некогда, говорит. Усадила меня Клава в самолет, что-то загудело, зашумело. И вот я лечу над Москвой. Если вы не были там, наверху, вы еще не знаете, как прекрасна Москва! Думаю я раньше, что будет страшно. Но смотрю я на спину летчика, на его руки — и я спокоен. Какая-то твердость в его руках, уверенность. Молодец парень! Но не в этом дело.

Смотрю я на летчика и думаю: «А все-таки тревожная работа. Хорошо, что Борька водолаз. Хорошо, что хотя он в нашей семье не летает. Клава летает, и вот я уже тоже начал, пусть хоть один не летает...» Спускаемся на землю. Откровенно говоря, мне стало грустно. Шестой десяток пошел, а я только один раз полетал. Выхожу из кабины и думаю: «Надо поблагодарить летчика». Подхожу к нему. Смотрит на меня и смеется. Подымает шлем и очки и... Мне опять стало холодно. «Как тебе не стыдно, Борька! — кричу я. — Кто же будет на дне морском?» «А я, говорит, справляюсь и там и тут. Родине, говорит, нужны летчики». Хочу кричать, сердиться. Но не могу. Борька смеется, Клава смеется. И я смеюсь. Уж больно хорошо они смеются — в этом все дело!

Г. РЫКЛИН

...В фашистских, капиталистических странах молодежь—это люди третьего сорта. В буржуазных, фашистских странах заработная плата молодежи, как правило, всегда неизмеримо ниже заработной платы взрослого рабочего.

Угроза безработицы, подобно петле, висит над молодежью в капиталистических странах.

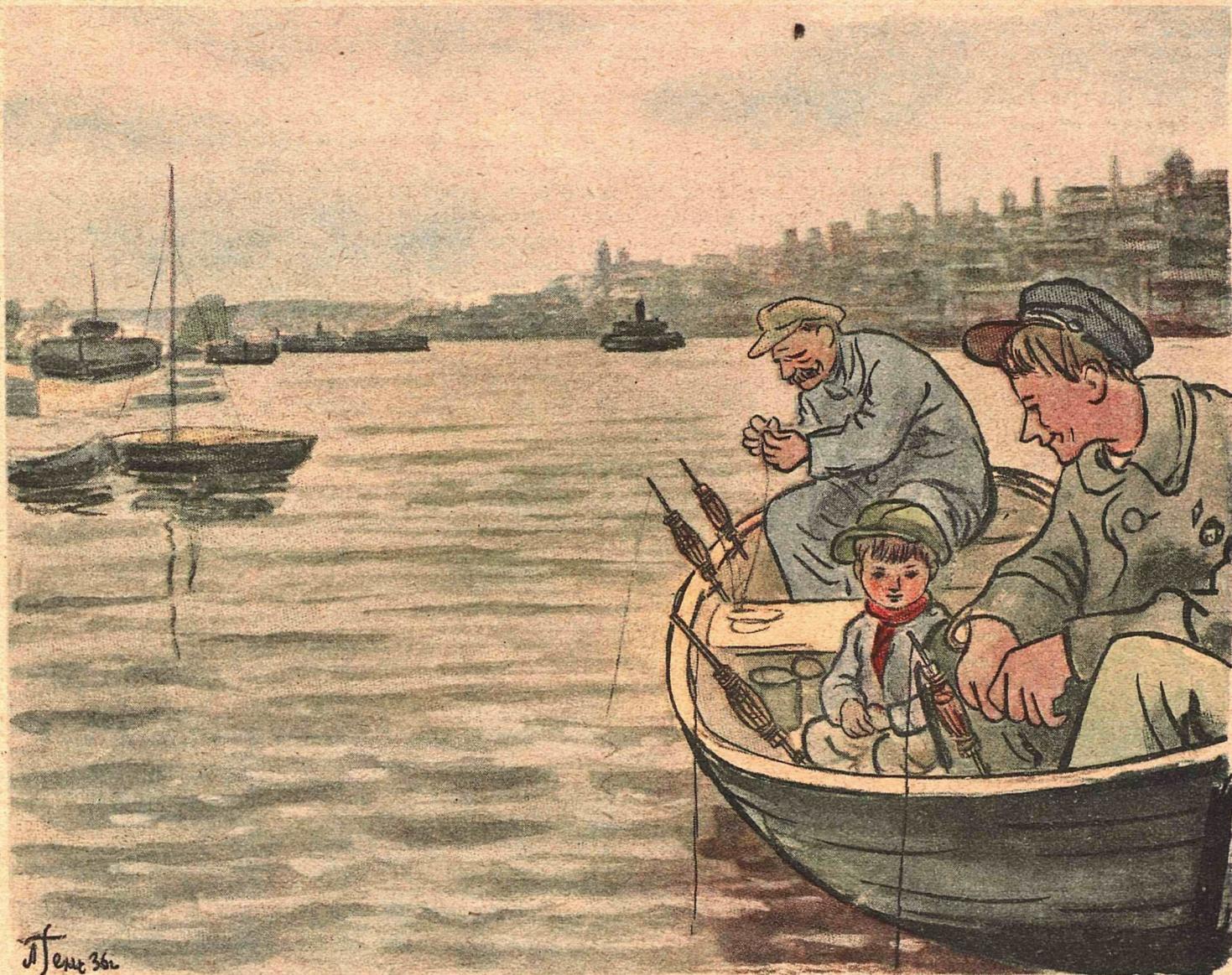
(Из доклада А. Косарева)

Рис. К. Ротва

В Е С Н А Ж И З Н И...

Рис. Л. Генча

Л. Генча

— Папа, расскажи о жандармах.
— А откуда я о них знаю. Спроси дедушку.

МЕЧТАТЕЛИ

Сквер был совсем новый и вызывал умиление, как младенец. Хотелось ласково погладить тонкие деревца и пожелать им скорее вырасти, укрыться шершавой корою и не бояться больше столкновений с прохожими, а, наоборот, превратиться в грозное препятствие на пути зеваки или пьяного. Проволочные дужки газонных ограждений хлопотливо выныривая из земли и сейчас же ныряя обратно, петлистым своим рисунком вызывали покровительственную улыбку.

— Ишь ты!.. совсем как в настоящем саду... Поди, еще и трава за ними вырастет...

И фонари были, будто в настоящем, взрослом сквере. И светили они, словно в заправском сквере: мутными лучами сквозь плотную кисею собственного нимба. А на настоящей — совсем настоящей — скамье сидели двое юношей.

Один сидел солидно, как и полагается сидеть на скамье в озелененном городском пункте: закинув одну руку за спинку скамьи. А другой вытянул ноги

вдоль сидения и, опираясь на туловище друга, глядел в небо, пестрое от розовых и молочных подпалин городских огней.

— Пойдем, что ли, — уже двенадцатый час, а завтра с девяти — лекции... — сказал солидный юноша и пошевелил заброшенной назад рукою.

— Посидим еще, Паша, — неожиданно мягко отозвался второй юноша. — Паша, ты любишь мечтать?

Паша ответил несколько настороженно, но с интересом:

— Это как?

— Ну мечтать. Чего бы ты хотел, чтобы с тобой было?

— А-а?..

— А я вот часто мечтаю. Вот, значит, я кончаю рабфак, потом вуз и делаюсь арктическим работником. Вдруг меня вызывает к себе сам Шмидт и говорит: «Необходимо сменить зимовщиков ну хоть на острове Вилькицкого...»

— Это Шмидт так неопределенно говорит: «Ну, хоть на острове Вилькицкого?»

— Нет, это я говорю неопределенно. А Шмидт отчеканивает слова: «Лететь надо завтра, возьмите с собой самое необходимое». Я спокойно наклоняю голову и скромно говорю: «Все будет исполнено». И вот мы летим вдвоем с летчиком. После бухты Тикси начинается пурга, и самолет делает вынужденную посадку на торосы где-нибудь в море Лаптевых. Мы посылаем радиосообщение... И вот нам на выручку летит звено... Или нет! Меня вызывает Шмидт уже после того, как самолет с новой сменой зимовщиков потерпел аварию. А я сам испытанный полярный летчик. Шмидт говорит мне: «Необходимо оказать помощь нашему самолету, который спустился на торосы в море Лаптевых!» Я спокойно наклоняю голову и скромно говорю: «Все будет исполнено». И вот я вылетаю в море Лаптевых. А там пурга, машина обледенела, тяжело дышать, но я пробиваюсь сквозь пургу и выполняю задание... Хорошо, Паша, а?..

— Чего уж лучше! — иронически говорит Паша, но приятель его уже не

чувствует иронию и продолжает фантазировать.

— Или еще так. Я пограничник. Где-нибудь на Дальнем Востоке. Допустим, начальник заставы. И вдруг — банда нарушителей переходит границу на моем участке. Немедленно я даю знать коменданту района. Он по телефону приказывает мне: «Держитесь, пока придут подкрепления!» Я спокойно наклоняю голову и скромно говорю: «Все будет исполнено...»

— Позволь, Василий, зачем же наклонять голову, когда разговор идет по телефону?

— А?.. Ну все равно... В общем, я расставляю свои силы и точной снайперской стрельбой заставляю банду отступить. Когда приходит подкрепление, все уже кончено: банда ушла обратно, оставив пять убитых и десять человек плененных... Нет, много: пять плененных...

— Жалко тебе? Пусть будет десять плененных.

— Зачем?.. Я не хочу. Надо, чтобы было правдоподобно... И потом сам я ранен...

— Тяжело?

— Еще не знаю. Понимаешь, если тяжело, — то хорошо прошептать на ухо бойцу, чтобы не обращали на меня внимания, а дрались бы дальше. А если легко ранен, можно остаться в строю до конца... Так что я еще не решил.

— Понимаю. Некогда было. Что ж ты еще придумал?

Но Василий решительно не замечал насмешек.

— Еще насчет инженера. Будто я инженер. На новостройке. Вызывает меня начальник строительства и говорит: «Необходимо спроектировать новый котел невиданной мощности, и сроку я вам могу дать 2 недели». Я спокойно...

— Наклоняешь голову?

— Да... А ты почему знаешь? Наклоняю голову и скромно говорю...

— «Все будет исполнено».

— Да... Ой, Пашка, ты тоже мечтаешь, ты все знаешь!

— Угу. Но валяй дальше. Кем ты еще хочешь быть?

— Еще... Ну вот, писателем... Вызывает меня Максим Горький и говорит: «Нужен роман о том, что стало в нашей стране после революции». Я споко...

— Подожди ты со своим «спокойно наклоняю». Во-первых, романов никто не заказывает. Писатели пишут сами, что хотят.

— Знаю. А тут заказали. Видят, что никто не пишет, как нужно, ну и решили поручить.

— Ну, допустим. А еще ты о чем мечтаешь?

— Еще... быть командиром. Если будет война. Пусть мне поручат воздушный десант в тылу противника, а я...

— Знаю. Спокойно наклоняешь голову и скромно говоришь. Но это, брат, все ты не для себя мечтаешь, а для других.

— Как не для себя?

— Ну да. Ты хочешь спасти потерпевших крушение, защищать гра-

ниду, строить котел... Разве тебе лично котел нужен? Раз уж мечтать, намечтай и себе самому, чего тебе надо. Ну чего ты там хочешь: вещей или денег... я же не знаю, что тебе нравится...

Мечтатель удивился так, что спустил со скамьи ноги наземь и сел рядом с другом.

— А ты, Павел, себе намечтал чего-нибудь? — растерянно спросил он.

Солидный юноша кивнул головой. Теперь и на его лице появилось выражение мягкости и задумчивости, которое возникает, когда человек говорит о самом дорогом и заветном.

— Да. Я знаю, чего хочу: быть ученым или, может быть, изобретателем.

— Ну?

— Что ну?

— А для себя что?

— Это ж и есть для себя. Понимаешь, я хочу быть физиком. Физики нужны стране, но и мне нравится быть физиком. Самая работа нравится. В лаборатории нравится делать опыты, исследования, пробы... Читать книги, писать самому. Все нравится...

— Ну а деньги?

— Что деньги?

— О деньгах ты тоже мечтаешь? Или о вещах?

— Я?.. С чего ты взял?.. И вообще с какой стати мечтать о деталях. Если уж мечтать, мечтать надо планоно. Не могу же я мечтать о брюках в клеточку или о диванчике с двумя валиками. Я мечтаю быть физиком... А диванчики приложатся.

— Ах, так?

— Так.

— Тогда знаешь что, Паша, я тебя должен удивить: ты тоже не для себя мечтаешь.

— А для кого же?

— Для страны.

И Василий хлопнул по спине своего сдержанного друга. Друг слегка поперхнулся от этой ласки и сказал с не совсем правдоподобной серьезностью:

— Ну, пойдём. Пора. Завтра с девяти — лекции...

Юноши встали и пошли, внимательно обходя молодые деревья нового сквера. Мутноватые фонари недолго освещали их спины.

В. АРДОВ

ПОЛЬСКАЯ ГРУСТЬ

Рис. М. Храпковского

— Тебе хорошо, дедушка: тебе уже семьдесят пять лет, а у меня еще вся жизнь впереди.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ДЕЛЕГАТОВ X ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА КОМСОМОЛА)

МИЛЫЙ КРОКОДИЛ!

Я работаю на строительстве метро уже третий год и за ударную работу на стройке первой очереди награждена орденом Ленина. Не хочется писать о себе, о своих личных нуждах, но я очень измучилась, а ты, может быть, сумеешь мне помочь.

Два с лишним года я с больной старухой-матерью живу в общежитии Метростроя, на Полковой улице, в доме № 24. Кроме меня и матери в небольшой комнатке ютятся еще пять девушек. А я должна дома заниматься с преподавателями рабфака! Можешь себе представить, во что превращаются занятия в условиях такой скученности!

Управление Метростроя (персонально тт. Орлов и Байков) обещали мне дать комнату в первой секции нового дома Метростроя, но обманули меня — комнаты я не получила.

Лучше бы они мне ничего не обещали — было бы легче!..

Делегатка X съезда ВЛКСМ, десятник шахты № 84—85 АЛЕКСАНДРА МАКАРОВА.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

«По улицам слона водили, как видно, на показ...» В незавидном положении показательного слона ныне оказался я, квалифицированный токарь, стахановец-орденоносец. Комсомольская и профсоюзная организации нашего тракторного цеха буквально затравили меня различными нагрузочками: то к пионерам сходи, то в школу смотайся, то на вечер, то на заседание, то на совещание! Учиться некогда! Кое-как я дошел до третьего курса Института хозяйственников, но пойду ли дальше, не знаю, ибо времени для учения не остается.

Пробовал по душам говорить с председателем цехового комитета профсоюза тов. Склярным и с нашим комсоргом тов. Эст-

риним, сказал им, что мне просто противно быть «слоном», но они тонко и «чутко» заявили мне:

— Мы тебя послали на учебу, мы тебя и отзовем, если ты будешь бузить!

Помоги мне хоть ты, милый Крокодил, освободиться от словесных обязанностей.

Делегат X съезда ВЛКСМ, токарь ХТЗ, орденосец КОНСТАНТИН ЛЕБЕДЕВ.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Присутствовавшие 8 апреля на спектакле «Евгений Онегин» в Государственном академическом Большом театре оперы и балета были свидетелями необычайного зрелища: небольшая группа молодых людей в продолжение всего спектакля перебежала с места на место. Это были мы, делегаты X съезда ВЛКСМ, любезно приглашенные в театр администрацией. И это нас, совсем уже нелюбезно, та же администрация не обеспечила местами. И вот поэтому мы все время кочевали с одного места на другое и, как это говорится в пушкинском «Онегине», вздыхали и думали про себя: когда же чорт возьмет тебя!

Делегаты X съезда ВЛКСМ от Саратовского края: ОСТАПОВ, ШНЕЙДЕР, ЯМПОЛЬСКИЙ.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Живем мы у себя в станице Вешенской хорошо, только вот беда: садиться не на что — ни седел, ни стульев в станичной лавке не продают. Еще не продают в той же лавке щеток для чистки лошадей, столов, шкафов, вообще мебели. Можно было бы съездить за мебелью и седлами в Миллерово, но оторваться от работы на конферме «Серп и молот», которой я заведу, мне никак невозможно.

ПОДГОТОВКА НАХОДУ

Рис. К. Ротова

— Ну-с, у парикмахера я был, галстук достал неплохой, заграничный джемпер купил, — как будто к докладу и подготовился!

Помоги нашим знатным казакам, дорогой Крокодил, сидеть по-человечески: если на коне, то в седле, если дома, то на хорошем стуле.

Гость X съезда ВЛКСМ, орденосец М. ЗЕЛЕНКОВ.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

В моей бригаде работает котельщик товарищ Остапенко. Это отличный производитель и очень хороший парень. Живет он в плохих условиях: квартира у него не отремонтирована, даже электрического освещения нет. Мы всей бригадой ходили к председателю нашего завкома тов. Кофендову, просили его помочь Остапенку, но Кофендов категорически отказал в помощи. Всех нас сильно возмутило это высокомерное, небрежное отношение завкома к

нашему товарищу. Наверное, возмутит и тебя.

Делегат X съезда ВЛКСМ, котельщик судоремонтного завода в Астрахани ИГОРЬ АНДРИАНОВ.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Есть такая поговорка: «Улита едет, когда-то будет». Раньше я не знал, кто такая эта таинственная Улита, которая так долго едет. Теперь я знаю: это тот самый учитель, которого должны были еще в начале марта прислать в нашу волошинскую орденосную бригаду трактористов районные организации и который до сих пор к нам не приехал.

Гость X съезда ВЛКСМ, тракторист колхоза «Коминтерн», Азово-Черноморского края, ЛАВРЕНТИЙ КУЩ.

...На протяжении последних 3 лет японские империалисты не раз провоцировали военные столкновения на наших восточных границах, пытались испробовать нашу силу штыком, но, как известно, из этого у них ничего путного не вышло...

(Из доклада А. Косарева)

ОБЩЕСТ. БЕЗОПАСНОСТИ
22 АПР 1933
Вед. НК. Полет. Поручен

26 АПР 1933

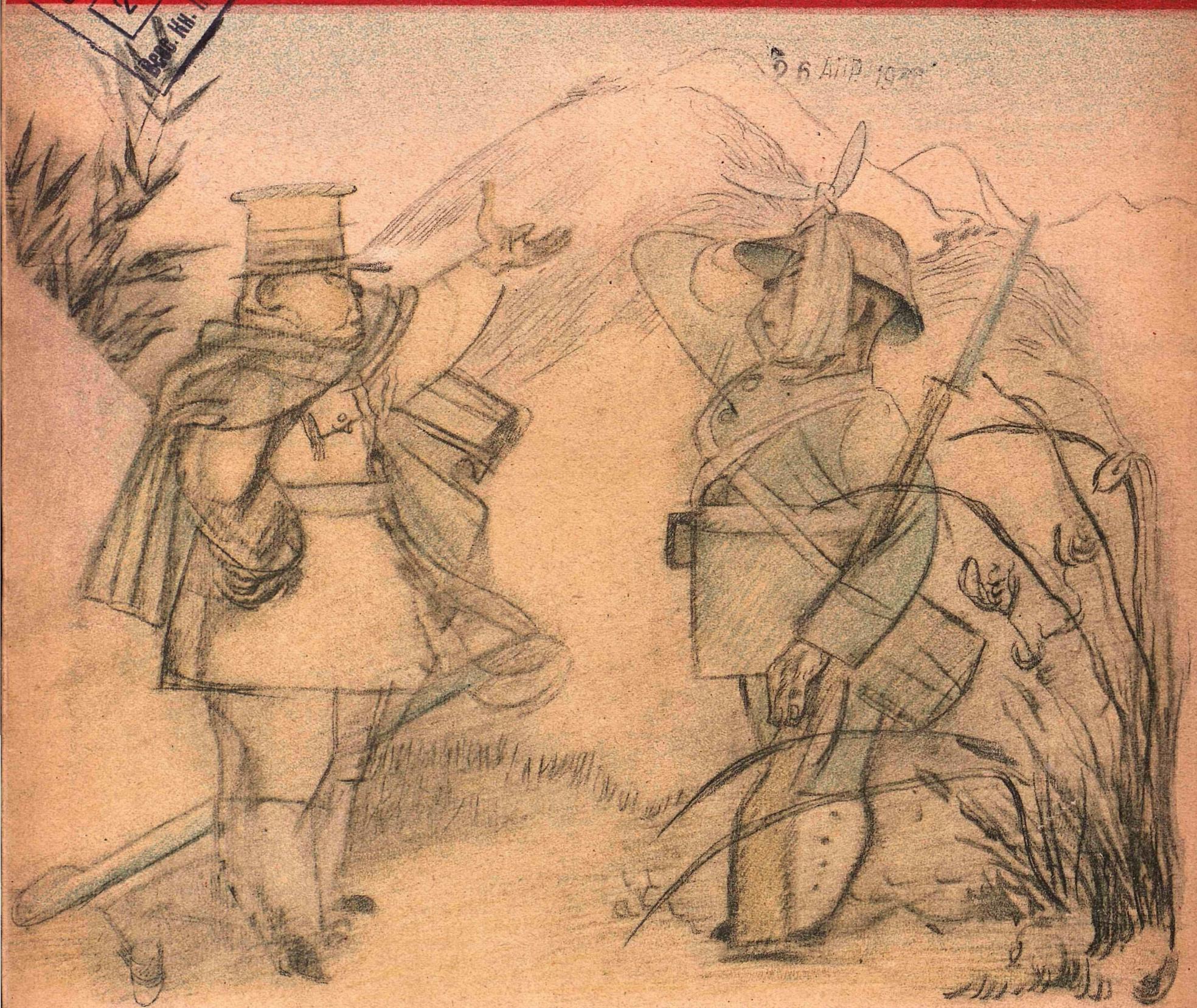

Рис. М. Черемных

ТУДА И ОБРАТНО — А сколько ходу до советского пограничного поста?
— Вчера мы туда шли целый час, а обратно всего десять минут бежали.